

Дневники подростков сталинской эпохи раскрывают внутренний мир юности под давлением идеологии и войны

Дата публикации: 21.07.2025

Личное пространство и самоанализ в условиях авторитарного государства кажутся почти невозможными, но архивные дневники подростков, живших в СССР в период с 1930 по 1941 год, опровергают это представление. Новое исследование Екатерины Задирко из Тринити-колледжа Кембриджского университета возвращает к жизни 25 ранее неизученных дневников юношей из самых разных слоёв сталинской России — от детей интеллигенции до сыновей крестьян, сосланных как "враги народа". Эти тексты оказываются уникальным свидетельством того, как подростки пытались осмыслить реальность, полную политического давления, голода, семейной травмы и мечт о будущем.

Дневники фиксируют всё: от школьных будней и романтических переживаний до отчаянных размышлений о смысле жизни и своих шансах на успех в обществе, которое ждёт от них героизма и самоотверженности. Герои этих записей — Василий Трушкин, Иван Хрипунов, Сергей Аргировский, Алексей Смирнов и другие — пишут о голоде, пережитом в детстве, о ссылках и арестах

родителей, о давлении системы на личные амбиции, о стремлении быть «полезным обществу», и одновременно — о любви, вдохновении и страхах.

Их записи одновременно наивны и глубокие. Они говорят о том, как государственная идеология формировала модель поведения, которую подростки пытались вписать в свою личную идентичность. Через строки дневников прослеживается то, что в культурологии называют внутренним конфликтом: как жить по правилам, которые диктует система, и при этом сохранить себя. При этом дневники нередко становились не просто личными заметками, а пространством литературного самовыражения. Авторы писали стихи, оформляли тексты в псевдокнижном стиле, копировали язык Горького и других писателей. Это была не только попытка осмыслить свою жизнь, но и стремление «вписаться» в культуру, быть услышанным, даже если лишь самим собой.

Подростки описывали и романтические чувства, скованные социальными и моральными ограничениями сталинской эпохи. Любовь в их текстах балансирует между возвышенным и подавленным — она часто идеализирована, оторвана от телесного, соотнесена с понятием дружбы, моральной поддержки и политической сознательности. Эмоции переживаются глубоко, но выражаются сдержанно — в том числе из-за страха наказания или осуждения.

Исследование также подчёркивает роль дневника как безопасного пространства. В условиях, когда публичное высказывание было рискованным, личные записи служили едва ли не единственным способом честного саморазговора. Сегодня, когда подростки выражают себя через соцсети, дневник, наоборот, обеспечивал приватность, защиту от внешнего суждения. И хотя многие из авторов в итоге погибли на войне или растворились в молчании советской биографии, их записи сохранили их внутренний голос — противоречивый, живой и невероятно человеческий.

Дневники показывают, что советская подростковая идентичность формировалась в условиях жесткой идеологической рамки, но не сводилась к слепому следованию нормам. Это была сложная, многослойная личность, в которой уживались страх, амбиции, тоска, надежда и искреннее стремление понять себя и своё место в меняющемся мире. Эти тексты дают редкую возможность заглянуть в сознание молодых людей в одно из самых противоречивых десятилетий советской истории — и, вопреки пропаганде, увидеть в них не только продукт системы, но прежде всего — людей.

Ссылка: ««Это не искусство, а самая настоящая жизнь»: идеология, литература и самотворчество в дневнике советского подростка (1937-1941)»

DOI: 10.1017/slr.2025.10152.